

ПОТОНЕМ ИЛИ ДОПЛЫВЕМ?..

Прошло уже довольно много лет с той поры, когда **Михаил Левитин** поставил в **Московском театре «Эрмитаж»** спектакль по «пергаменту», как определил жанр писатель **Юрий Коваль** — «**Суер-Вьер**». Это было, если не ошибаюсь, первое театральное открытие творчества удивительного писателя Юрия Ковалья, которым восхищались такие выдающиеся поэты, как **Арсений Тарковский** и **Белла Ахмадулина** — разные и одинаковые, пожалуй, лишь в одном, в неповторимости поэтической интонации, в редкостном умении (по определению Давида Самойлова) самые обычные слова протереть как стекло, вознеся их до уровня редкой прозрачности и столь же редкой красоты.

И именно это ценили они, как и другие, **Борис Шергин, Юрий Домбровский, Юлий Ким, Юрий Визбор, Ада Якушева, Петр Фоменко** (последние четверо были

однокурсниками Ковалья по Педагогическому институту), в неповторимой стилистике детского писателя. Писателя, избравшего эту стезю обращения к детству не только по причине ухода от безрадостной реальности, но и по собственной природе, в которой было поистине детское обаяние.

Несмотря... Вопреки...

И вот — премьера РАМТа «**Самая легкая лодка в мире**». Эта замечательная история Юрия Ковалья, полная юмора, печали, внутреннего света, отраженным лучом охватывающего зрительный зал магического пространства РАМТа под названием **Черная комната** и поистине завораживающей атмосферы, сочинена по прозе Юрия Ковалья **Юлием Кимом, Сергеем Никитиным** и молодыми кудесниками — режиссером **Алексеем Золотовицким**, художником **Софьей Егоровой** и музыкальным руководителем **Павлом Акимкиным**.

«Самая легкая лодка в мире». Сцена из спектакля

Прекрасный пример взаимопонимания и органичности сочетания «тогда» и «сейчас» явлен в единении отцов (если не сказать дедов!) и детей. Это обстоятельство уже само по себе свидетельствует о том, что не все так безнадежно в нашем нынешнем бытии. И это — главное...

На мой взгляд, Юлий Ким и Сергей Никитин несколько перегрузили прозрачное содержание «Лодки» добавлением фрагментов рассказов, порой уводящих в сторону от содержания, и обилием песен. В основном молодежная зрительская аудитория воспринимает и принимает с первых же эпизодов «двойную оптику», в которой прошлое пронизано ностальгическими нотками, а настоящее становится попыткой вернуть прежние идеалы: бескорыстия, веселого безденежья, верной дружбы, мечты, которая во что бы то ни стало должна воплотиться.

Странно и отрадно, что всем этим воодушевился и вдохновился молодой режиссер. И не просто воодушевился и вдохновился,

но сумел передать свое ощущение, по-своему загнипнотизировать молодых артистов труппы: **Александра Девятьярова, Дениса Баландина, Владислава Погибу, Александра Аронс, Сергея Чудакова, Ольгу Лысак и Ксению Медведеву.** Они так увлеченно разыгрывают немудреный сюжет, полный глубоких философских смыслов, так превосходно играют на музыкальных инструментах и поют, так органично существуют в маленьком пространстве Черной комнаты и, наконец, так сияют их глаза, что зритель захвачен действием с первой до последней минуты.

Александра Аронс оказалась для меня узнаваемой в этой роли то ли реальной, то ли вымышленной Писателем девушки, существующей на грани вымысла и реальности. Владислав Погиба с ярким юмором и с долей проникновенности изобразил своего раздвоенного персонажа — художника Шуру, чья душа разрывается между служением искусству или полиции. Денис Балан-

Шура — В. Погиба, Клара Курбе — А. Аронс, Орлов — Д. Баландин

дин легко, органично проживает отрезок жизни бесшабашного служителя муз и бесконечно верного друга, готового на любую авантюру ради Писателя.

А Александр Девятьяров замечательно рисует мечтателя давних лет, в чьих лирических монологах раскрывается не только почти утраченное сегодня чувство Слова, но и — для тех, кто знал, помнит или хотя бы читал — магическое возвращение Времени и личности Юрия Коваля.

Ольга Лысак и Сергей Чудаков, играющие по три небольших роли разных персонажей, фиксируют особенности каждого из них, подчеркивая лишь небольшим гримом и костюмом. У Ольги Лысак остаются во всех ее образах только длинные, загнутые зеленые ресницы, становящиеся в первых двух ролях шорами, закрывающимися от героинь внятный смысл происходящего, в третьей же, Макарихе, обозначающие волшебство этой загадочной дамы, голова ко-

торой умеет жить отдельно от тела. Впрочем, это ли не одна из довольно обычных примет нашего времени?..

Трогательный быт, раскрывающийся в чае с сушками (ими и зрителей угощают), кастрюлях, чайниках, стареньком телевизоре, граммофоне, белье, которым тщательно застилают полки в поезде герои, Писатель (А. Девятьяров) и художник Орлов (Д. Баландин), словно оттеняет надмирное содержание «Самой легкой лодки». То самое содержание, что позволило Белле Ахмадулиной сказать после прочтения: «Самая легкая лодка — это я, Папашка — это я...». Дорогого стоят эти слова...

Связки бамбука, извлекаемые из огромного шкафа-трансформера, откуда появляются время от времени персонажи и предметы, строго говоря, не так уж и необходимы для строительства самой легкой лодки в мире — мечты Писателя. Потому что эта лодка — музыка, которая извлекается из всего, если

«Самая легкая лодка в мире». Сцена из спектакля

душа твоя не только богата, но и щедра, и открыта людям.

Сказочные болота, их неведомый хозяин Папашка, Макариха с летающей головой, странноватый Натолый (С. Чудаков) со своим молчаливым подмастерьем Нюркой (К. Медведева) настолько прозрачны и легки, что заставляют воспринимать их с открытой душой, наслаждаясь тем сказочным миром, что возникает внезапно среди обыденности. Тем более что ему сопутствуют картины самого Юрия Коваля, плывущие по черным стенам сценического пространства (видеохудожник **Владимир Алексеев**, художник по свету **Нарек Туманян**)...

Когда мы бездумно повторяем сегодня максиму К.С. Станиславского о том, что в театре все должно быть «для человека, через человека, во имя человека», мы вряд ли задумываемся: эта тайна заключена в атмосфере, которой я, зритель, соучаствую и сопереживаю всей душой, ощущая свою невывмышленную

включенность в происходящее. Ученик Олега Кудряшова, Алексей Золотовицкий, судя по спектаклю, не просто понимает, но **принимает** этот тезис всем своим существом — творческим и личностным. Честь и хвала ему за это! И именно эта черта дает надежду на то, что наша театральная лодка, какой бы легкой она не была, не потонет, а доплывет. Доплывет до того необходимого, без чего не существует подлинный театр...

... Странное ощущение!.. Те, кто знал Юрия Коваля, навсегда запомнили его поразительное обаяние и — улыбку. Мне ни у кого больше не доводилось видеть такой открытой, охватывающей всех вокруг улыбки. И в финале спектакля «Самая легкая лодка в мире» она, подобно улыбке Чеширского кота, словно плыла в воздухе, щедро одаривая всех и каждого.

Наталья СТАРОСЕЛЬСКАЯ
Фото Сергея ПЕТРОВА